

К.А. Гаврилов
(Москва)

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ БЛОГОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОЦЕНОК: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ С ОПРОСНЫМИ ДАННЫМИ (НА ПРИМЕРЕ СУЖДЕНИЙ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ)¹

В центре внимания автора статьи – практика применения контент-анализа текстов для выявления индивидуальных оценок, получившая широкое распространение в современных интернет-исследованиях. В ходе двух эмпирических исследований, изучающих приписывание ответственности в ситуации теракта, рассматривается вопрос: в какой степени результаты контент-анализа соответствуют опросным данным? Анализ суждений, извлеченных из текстов, написанных в связи с терактами 2013 г. в Волгограде и нападением на редакцию французского журнала *Charlie Hebdo* в 2015 г., показал, что далеко не всегда реконструированные оценки соответствуют результатам опросов. По итогам исследования сформулирована рекомендация – использовать нереактивные данные для получения индивидуальных оценок по результатам пилотажа, включающего в себя проведение опроса авторов текстов.

Ключевые слова: контент-анализ, суждения о вине и ответственности, нереактивные данные

¹ **Кирилл Андреевич Гаврилов** – кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: gavrilov@socio.msk.ru.

Постановка исследовательской задачи

Одно из направлений исследования блогов предполагает обращение к ним не с задачей изучения специфики возникающей коммуникации, а с целью выявить порождаемые блогосферой мнения и оценки. Блоги здесь выступают как источник информации, например, для получения распределений политических суждений и оценок [1; 2; 3]. Такие работы мало чем отличаются от исследований «традиционных» СМИ, выполняемых с помощью контент- или дискурс-анализа. В то же время, поскольку авторы блогов – это зачастую «обычные» люди, появляются работы, в которых блоги воспринимаются в качестве источника «обыденного» знания, а блогеры рассматриваются как «народные эксперты» [4; 5]. Оставляя за скобками вопрос, в какой мере мнения блогеров репрезентируют другие группы, отметим, что эти работы основаны на не только достаточно тривиальном представлении, что содержание блогов отражает мнение блогеров, но и – имплицитно – на идее, что на основе блогов можно *реконструировать* мнения блогеров по той или иной теме. Иными словами, мы здесь имеем дело с общеметодологическим вопросом: в какой мере тексты, написанные в различных контекстах¹ и с разными целями², могут служить надежным источником о мнениях и оценках их авторов?

Мы рассмотрим этот вопрос на примере суждений об ответственности и вине. Особенности обыденного приписывания ответственности и вины – тема, находящаяся в центре внимания совре-

¹ Совершенно очевидно, что речь идет не только о блогах и других текстах, оставляемых в ходе интернет-коммуникации (например, отзывы по поводу различных объектов, таких как кинофильмы или товары), но и о текстах, производимых оффлайн (например, записи в книгах отзывов и предложений, письма и обращения).

² Если взять пример из сферы маркетинга, то мы можем надеяться, что текст отзывов потребителей конкретного товара действительно отражает оценки авторов. Но насколько эти отзывы позволяют, скажем, анализировать образ производителя, выпускающего данный товар?

менных социально-психологических исследований и – шире – работ по когнитивной науке (см., например: [6]). Чаще всего в качестве метода исследования используются факторные экспериментальные планы, где различные ситуации явно оцениваются респондентами по различным шкалам [7; 8; 9]. Эти ситуации могут быть как искусственно сконструированными, так и вполне реальными. Например, в исследование Б.Ликеля и коллег изучались различные аспекты приписывания коллективной ответственности актерам, способствовавшим инциденту в средней школе в городе Литлтон (штат Колорадо) 20 апреля 1999 г., когда двое школьников убили 12 соучеников и одного учителя [10].

Но можно ли выявить специфику приписывания ответственности и вины за трагические события, подобные произошедшему в Литлтон, не обращаясь к респондентам, а анализируя «нереактивные» данные, прежде всего тексты, написанные широким кругом авторов, большинство из которых не были непосредственными свидетелями событий? Имеющиеся исследования скорее утвердительно отвечают на этот вопрос. Например, М.Мелендес с коллегами изучали, каким образом приписывается ответственность матерям массовых убийц (помимо уже упомянутого случая в штате Колорадо, рассматривался и другой – трагедия в городе Ньютаун штата Коннектикут, когда было убито 28 человек, включая 20 шести- и семилетних детей). Исследователи проводили контент-анализ комментариев, оставленных пользователями Интернета к видеоролику с интервью матери одного из убийц из Литлтона и к статье о жизни и личности матери убийцы из Ньютауна. Основным вывод – виновниками трагедии чаще всего считаются семьи убийц, а более конкретно – матери [11].

Несколько ранее мы провели исследование по материалам сообщений в блогах, написанных в связи с терактом в аэропорту «Домодедово» в январе 2011 г. Контент-анализ русскоязычных сообщений, опубликованных на платформе LiveJournal.com в связи с терактом (далее мы это исследование обозначаем как «Домоде-

дово-2011») позволил выявить эффект «невиновного террориста», суть которого заключается в том, что в блогах непосредственно террористам чрезвычайно редко приписывается вина [12]. Одно из объяснений – в своих текстах блогеры не стремятся писать очевидные и понятные вещи; соответственно, вина террористов могла оказаться тем *очевидным* фактом, который не заслуживал упоминания. Однако исследование *мнений* должно предполагать реконструкцию очевидного, ведь иначе полученные оценки будут заведомо смещенными. Иными словами, продемонстрировав возможность выявлять оценки вины посредством контент-анализа, мы столкнулись с необходимостью проверки предположения о смещенности суждений по ключевому вопросу – об ответственности террористов, степень которой предположительно была существенно недооценена на основе нереактивных (текстовых) данных¹.

В методологическом смысле указанная задача сводится к тому, чтобы определить степень соответствия результатов формализованного контент-анализа и другого источника информации об индивидуальных оценках – результатов опроса, который традиционно применяется для выявления оценок. Соответственно, предположение о смещенности суждений о вине террористов позволяет следующим образом сформулировать основную гипотезу: проведение контент-анализа и опроса приводит к различным результатам, в частности, к разным оценкам вины ключевых акторов.

Представим результаты попыток проверить эту гипотезу в двух эмпирических исследованиях. В первом, носящем пилотных характер, мы совместили формализованный анализ текстов с опросом их авторов, а в качестве кейса выступили теракты, произошедшие в конце 2013 г. в Волгограде. Во втором была доработана методика

¹ Этот вопрос релевантен упомянутому исследованию М. Мелендеса и соавторов, где не было выявлено ни одного случая приписывания ответственности отцам. Можно ли интерпретировать эти результаты так, что, по мнению авторов комментариев, отцы не несут ответственности за трагедию?

с учетом полученных ранее результатов. В качестве эмпирического кейса выступили события в Париже в январе 2015 г. – нападение на редакцию журнала *Charlie Hebdo*.

«Волгоград-2013»: методика, процедура и результаты

Методика и процедура

Основная трудность при решении поставленной задачи – сложности рекрутирования авторов блогов для проведения опроса. Поэтому на данном этапе для пилотажа методики было решено анализировать не блоги, а эссе, написанные по заданию автора исследования.

Итак, чтобы оценить степень соответствия между результатами контент-анализа и опроса, было проведено исследование, включавшее в себя следующие блоки.

1. Написание студентами социологического факультета НИУ ВШЭ эссе по поводу терактов, произошедших в конце 2013 г. в Волгограде ($n = 26$). Эссе собирались приблизительно спустя месяц после трагических событий. Написание происходило в традиционном офлайн-формате. Использовалась следующая преамбула, побуждающая студентов написать текстовое сообщение.

Вам предлагается принять участие в исследовании, в ходе которого планируется выяснить, как люди воспринимают различные аспекты террористического акта. Исследование состоит из двух частей. В первой части вам предлагается в свободной форме изложить свое мнение. Во второй (в онлайн-формате) вам будет задан ряд вопросов.

Как вы знаете, в конце 2013 года в России произошли два крупных теракта. 29 декабря в результате взрыва на железнодорожном вокзале в Волгограде погибли 18 и пострадали около 50 человек. Причиной взрыва стала бомба, сработавшая

в руках предполагаемого террориста перед рамкой металлоискателя. На следующий день, утром 30 декабря, 16 человек погибли при взрыве в троллейбусе.

Представьте себе, что вы ведете блог на одной из популярных площадок и хотите разместить в своем блоге мнение о произошедших событиях в Волгограде. Пожалуйста, дайте свою оценку этим терактам, их причинам и последствиям так, как если бы готовили этот текст в качестве поста в блоге.

2. Онлайн-опрос авторов эссе, проведенный спустя более месяца после написания эссе¹. Респондентам предлагалось ответить на вопросы относительно причастности различных акторов (упомянутых ранее в массиве эссе) к терактам в Волгограде, в частности, о причинном вкладе этих акторов и об их вине². Таким образом, каждый участник исследования отвечал на два вопроса о 9 акторах (отобраны из использованного в контент-анализе эссе кодификатора):

Пожалуйста, оцените, в какой степени террорист-смертник был или не был причиной теракта? (ответ по 7-бальной шкале)

Пожалуйста, оцените, в какой степени террорист-смертник несет или не несет ответственность за теракт? (ответ по 7-бальной шкале)

Детальное описание методологии формализованного анализа написанных эссе, в том числе процесса конструирования кодификаторов, содержится в другой нашей работе, где анализировались блоги [13]. Отметим, что при создании инструментария

¹ Следует указать на ограничение предложенной процедуры, связанное с тем, что порядок прохождения опроса и написания эссе не варьировался. Иными словами, на полученные результаты мог повлиять эффект переноса, поскольку студенты всегда писали эссе до ответов на вопросы анкеты. Впрочем мы решили пренебречь этим ограничением, поскольку посчитали, что период между двумя этапами исследования достаточен для минимизации этого эффекта.

² Вопросы были сконструированы на основе исследования [7].

мы предполагали, что акторы могут нести ответственность за два элемента теракта:

- непосредственно за сам инцидент;
- за условия, которые сделали его возможным¹.

Иными словами, мы исходили из того, что акторы, чтобы выступать в качестве обвиняемых, должны восприниматься как причастные (в форме содействия или упущения) хотя бы к одному из неблагоприятных элементов теракта. Схематично связь между элементами теракта и типами действий представлена на *рис. 1*.

Блок контент-анализа в данном исследовании носил второстепенный характер: задача состояла лишь в том, чтобы на основе анализа эссе выделить акторов, суждения о вине которых будут сформулированы в опросном блоке. Именно поэтому мы воспользовались упрощенной процедурой кодирования, которая включала в себя:

1) просмотр каждого эссе и вычленение из него описаний отдельных акторов, которые выступали в качестве единицы анализа (кодирования). Кодификатор акторов представлен в *Приложении 1*;

- 2) каждому актору приписывались коды, соответствующие:
- одному из типов акторов;
 - одному из типов виновности.

Подчеркнем, что мы не рассматривали выборку из 26 студентов ни как сравнимую с мнениями блогеров из «Домодедово-2011», ни как репрезентирующую какую-либо группу. Задача состояла лишь в том, чтобы проверить методологию анализа (прежде всего

¹ В предыдущем исследовании теракта в Домодедово мы также включали последствия, под которыми понимались не столько пострадавшие, сколько вторичные последствия (в случае теракта в аэропорте – его посетители). В результате ключевым виновным актором с точки зрения усугубления последствий оказались таксисты, существенно повысившие цены на проезд. Такое заключение стало основным аргументом в пользу исключения аспекта, связанного с последствиями, из анализа в данном исследовании, поскольку ответственность вменяется акторам (например, таксистам) за действия, которые все же стоит рассматривать в отрыве от теракта.

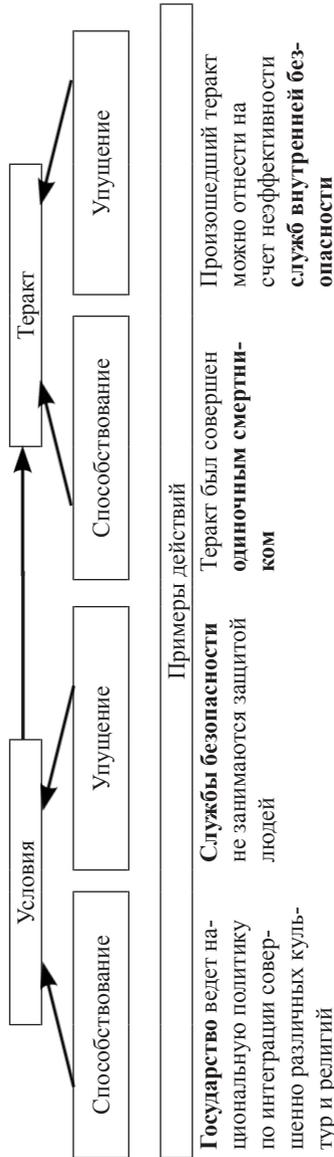

Рис. 1. Элементы теракта, типы действий, примеры действий и акторов

в ее опросной части) и показать, что авторы текстов способны оценить ответственность/виновность акторов, о которых они писали (или не писали) в своих эссе.

Результаты

Практически всем акторам, фигурировавшим в онлайн-опросе, приписывается высокая степень вины и высокий причинный вклад в то, что произошли теракты (табл. 1). С точки зрения степени вины исключение составляют кавказцы, которые воспринимаются как менее виновные, чем отдельные террористы ($p < 0,01$), исламские фундаменталисты ($p < 0,05$), власть ($p < 0,05$) и ФСБ Волгограда ($p < 0,01$).

С точки зрения причинности выделяются силовые структуры и их представители (директор ФСБ России А.Бортников и Волгоградское подразделение ФСБ), действия которых в меньшей степени рассматриваются в качестве причин теракта. Так, причинный вклад силовых структур меньше, чем террористов ($p < 0,005$), исламских фундаменталистов ($p < 0,005$), властей ($p < 0,001$) и Президента РФ ($p < 0,05$).

Важно отметить, что отдельные террористы-смертники, которым в эссе приписывается меньшая ответственность, чем, скажем, властям, в опросе получили достаточно высокие показатели виновности, неотличимые от вины властей¹ или силовых структур².

Обратим внимание, что в опрос были преднамеренно включены акторы, не фигурировавшие в эссе: волгоградское подразделение ФСБ, власти Волгограда и директор ФСБ России А. Бортников. Все эти акторы были оценены как в значительной степени виновные.

Таким образом, содержательный вывод нашего первого исследования, что властям приписывается наибольшая ответственность,

¹ $t(24) = 0,68, p = 0,5$.

² $t(24) = 1,67, p = 0,1$.

Таблица 1
 ЧАСТОТА УПОМИНАНИЙ И ПРИПИСЫВАНИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ЭССЕ),
 ОЦЕНКИ ВИНЫ И ПРИЧИННОСТИ (ОПРОС)

Актор	Эссе		Опрос	
	Упоминание, %	Вина*, %	Вина, М	Причинность, М
Террорист-смертник	28,2	54,5	5,9	5,4
Власть	28,2	72,7	5,6	5,2
Силловые структуры РФ	10,3	25,0	5	3,6
Исламские фундаменталисты	7,7	33,3	5,5	5,4
Президент РФ	2,6	100	5,3	4,4
Кавказцы	2,6	0	4,4	4,7
Другие (всего)	28,1	63,6	–	–
<i>Например: **</i>				
Волгоградское подразделение ФСБ	–	–	6	3,4
Власти Волгограда	–	–	5,3	4
Директор ФСБ России А.Бортников	–	–	5,3	3

Примечание:

* Доля упоминаний, содержащих указание на вину актора, среди всех упоминаний данного актора.

** В качестве акторов, использованных в опросе, фигурировали не упоминавшиеся в эссе.

а террористам – наименьшая, кажется не вполне реалистичным в свете новых данных.

В то же время полученные данные свидетельствуют о необходимости ряда шагов для повышения качества результатов.

1. Доработка опросной методики таким образом, чтобы вопросы позволяли лучше дифференцировать акторов по степени вины. Сам факт того, что от средней оценки виновности (5,4) значительно отличается только степень вины кавказцев (4,4) и волгоградского подразделения ФСБ (6), может указывать на то, что выбранная процедура оценки вины и/или формулировка вопроса не вполне удачны.

2. Расширение объема выборки, поскольку прямое сравнение оценок вины ряда акторов по данным эссе попросту невозможно. Например, однозначное приписывание вины президенту в эссе не должно вводить в заблуждение, поскольку президент как актер упоминался в эссе только один раз (и это упоминание сопровождалось обвинением).

3. Сопоставление результатов анализа эссе с данными реальных блогов: исследование «Волгоград-2013» не позволяет сделать выводов о том, в какой мере студенческие эссе подобны блогам, размещаемым в открытом доступе. Некоторые студенты прямо в своих эссе отмечали, что не ведут блоги, а если бы и делали это, то содержание их сообщения было бы иным.

Все эти шаги были предприняты в исследовании, посвященном особенностям приписывания ответственности и вины в связи с событиями в Париже в январе 2015 г.

«Париж-2015»: методика, процедура и результаты

Методика и процедура

В этом исследовании использовалась модифицированная схема, включавшая в себя следующие этапы.

1. *Написание эссе.* Авторами стали студенты социологического факультета НИУ ВШЭ эссе ($n = 80$). Тема эссе – расстрел редакции газеты *Charlie Hebdo* в Париже, произошедший 7 января 2015 г. Все тексты писались аудиторно, приблизительно спустя месяц после событий. В качестве приглашения к написанию эссе использовался тот же текст, что и в исследовании «Волгоград-2013», изменено лишь описание самого кейса.

Как вы знаете, 7 января 2015 г. в редакцию французской сатирической газеты *Charlie Hebdo*, публиковавшей, в частности, антирелигиозные карикатуры, ворвались трое вооруженных людей и открыли огонь. Их жертвами стали 12 человек – в том числе, главный редактор газеты. Террористы скрылись, спецоперация по их поиску длилась три дня. В итоге один из подозреваемых сдался властям, двое других были убиты в пригороде Парижа 9 января. В тот же день их знакомый ворвался в кошерный супермаркет и взял заложников; он был убит в ходе спецоперации, но перед этим застрелил четырех человек. 10–11 января по всей Франции прошли акции солидарности, например, в парижском марше приняли участие 1,5 млн человек.

Анализ производился по аналогии с исследованием «Волгоград-2013», т.е. использовалась та же схема теракта (рис. 1), а процедура была скорректирована незначительно. Были внесены следующие изменения:

- использовался иной перечень акторов, релевантный данному кейсу (см. Приложение 2);
- добавлено кодирование причинного вклада (использовалась аналогичная шкала, как и в случае вины).

2. *Опрос авторов эссе.* Спустя месяц после написания эссе, был проведен онлайн-опрос тех же студентов. Из 80 авторов удалось опросить 73, средний возраст составил 19,3 года ($SD=1,4$), 83% опрошенных – девушки. Анкета была модифицирована с целью исключения проблемы недостаточного разброса ответов, наблюдавшейся в «волгоградском» исследовании. Для этого, во-первых, на основе анализа эссе был сконструирован перечень из 10 причастных к теракту акторов:

- власти Евросоюза;
- власти Франции;
- граждане Франции;
- исламские террористические группировки;
- мусульмане;
- пресса;
- работники издания;
- редакция газеты;
- силовые структуры Франции;
- террористы.

Во-вторых, каждому респонденту был предъявлен этот перечень акторов с просьбой выделить не более трех виновных / оказавших причинной воздействие акторов, т.е. использовались вопросы.

Пожалуйста, отметьте не более трех субъектов, которые, на ваш взгляд, несут основную ответственность за теракты в Париже?

Пожалуйста, отметьте не более трех субъектов, действия которых, на ваш взгляд, стали основной причиной терактов в Париже?

В-третьих, респондентам было предложено оценить степень виновности / причинного вклада этих акторов, причем сделать это в сравнении с виновностью / причинным вкладом террористов. Для этого задавались два вопроса с предъявлением перечня из 9 акторов.

Обычно при оценке таких событий, как теракт в Париже, нельзя возложить всю ответственность на кого-то одного. Если говорить

о разных субъектах, то кто из них, на ваш взгляд, несет больше ответственности, чем террористы, а кто – меньше? (ответ по 7-бальной шкале – от «-3» (вина меньше, чем у террористов) до «+3» (больше, чем у террористов), а «0» обозначал такую же вину, как у террористов)

При оценке таких событий, как теракт в Париже, трудно сказать, что стало его причиной. Если говорить о разных субъектах, то действия или отсутствие действий каких, на ваш взгляд, в большей степени, а каких – в меньшей степени, чем действия террористов, стали причиной событий? (ответ по 7-бальной шкале – от «-3» (причина в меньшей степени, чем террористы) до «+3» (в большей степени, чем террористы), а «0» обозначал такую же степень, как у террористов)

3. *Контент-анализ.* Была использована выгрузка всех сообщений из платформы LiveJournal.com («Живой журнал», «ЖЖ»), удовлетворяющих следующим критериям.

1. Упоминание одного из ключевых слов – одновременно «Париж» и «теракт» или «Шарли» или «Charlie».

2. Только русскоязычные сообщения, опубликованные на платформе.

3. Включение только сообщений, без комментариев.

4. Время публикации – с 7 по 16 января 2015 г. (включительно)¹.

Всего в данную выгрузку попало 16884 сообщений. Для последующего контент-анализа из этого массива случайным образом было отобрано 300 сообщений². Оценить качество выборки можно, сравнив распределение по дням в выборке и генеральной совокупности: как видно на *рис. 2*, в целом эти распределения отличаются незначительно³.

¹ Для получения ретроспективных данных была использована система мониторинга социальных медиа Brand Analytics. Автор признателен Х. Арушанову за предоставленный доступ к системе мониторинга.

² Для этого использовался генератор случайных чисел, имеющийся в MS Excel.

³ Если оценить качество выборки более формально, то получится, что при уровне доверия 95% статистическая погрешность равна $\pm 5,5\%$ [14], что кажется вполне приемлемым для целей нашего разведывательного исследования.

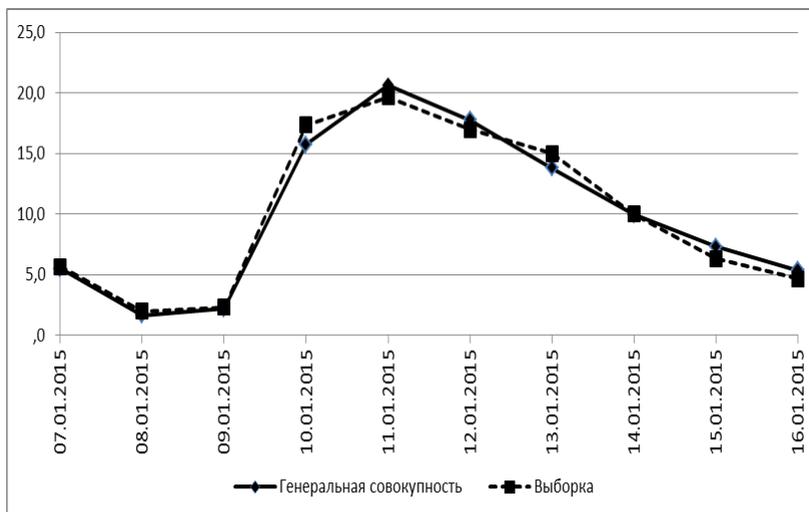

Рис. 2. Распределение сообщений по дням в генеральной совокупности и выборке (в %)

Процедура кодирования выборочной совокупности полностью совпала с примененной на этапе анализа эссе за исключением добавления одного нового кода – типа контекста, где упоминался актер, который имел следующие значения:

- авторское мнение;
- цитирование («перепост») чужого авторского мнения;
- цитирование сообщения из СМИ;
- другой тип контекста (например, результаты голосования).

Результаты

Два вопроса, использованные для оценки степени вины акторов, показали высокий уровень согласованности: наибольшая вина приписывалась исламским террористическим группировкам (68% респондентов отметили их среди ключевых виновных акторов, средняя оценка вины 1,1), террористам (58%), редакции газеты (38% и 0,1) и властям Франции (29% и 0,1). Наименьшая

вина приписывалась трем актерам: гражданам Франции (7% и -1,8), властям Евросоюза (8% и -0,8) и мусульманам (10% и -1,2). «Рейтинги вины», составленные на основе двух индикаторов, коррелируют на высоком уровне ($r = 0,84$).

Опросные данные, как и в волгоградском кейсе, явно указывают на то, что ответственность террористов в трагедии – первостепенна. Средняя оценка виновности всех предъявленных респондентам акторов составила -0,41, т.е. в среднем названные акторы были менее виновны, чем террористы¹. Среди «всех других» акторов были также исламские террористические группировки, при исключении их из анализа средняя оценка виновности составила -0,6.

Анализ нереактивных данных выявил высокое соответствие результатов кодирования акторов в эссе и блогах. Независимо от источника, чаще всего упоминались террористы (37% упоминаний в эссе и 52% – в блогах), редакция газеты (24 и 15%), работники издания (по 12%) и исламские террористические группировки (14 и 8%). В то же время оценки виновности этих акторов различаются достаточно существенно: студенты в своих эссе чаще всего считают виновными террористов (56%) и исламские террористические группировки (40%), а блогеры – редакцию газеты, работников издания (по 30%) и террористов (25%). Чуть более низкий «рейтинг вины» террористов можно объяснить тем, что в блогах представлены не только авторские мнения, но и транслируются традиционно нейтральные сообщения из СМИ: при анализе исключительно авторских мнений и «перепостов» в 30% упоминаний террористов отмечается их вина.

Оценки виновности, данные студентами в эссе и в опросе, имеют высокую согласованность. Исключением выступают сотрудники *Charlie Hebdo*: в эссе этот актер занял 4-е место по

¹ Напомним, что оценка «0» соответствовала идентичной с террористами ответственности.

упоминаемости, причем каждое четвертое (23%) включало в себя указание на вину этого актора, тогда как в ходе опроса этот актер занял 6-е место среди акторов, несущих наибольшую ответственность, и 7-е место – по сравнительной оценке его вины ($-0,34$). Другое исключение – власти Франции. Этот актер практически не упоминался в эссе, но, будучи включенным в опрос, получил очень высокие рейтинги вины, отчасти даже сравнимые с ответственностью террористов.

В *табл. 2* приведены результаты выявленных оценок вины различных акторов. В *табл. 3* – оценки причинного вклада.

Нельзя не заметить, что оценки причинного вклада различных акторов сильнее различаются в зависимости от источника данных. Едва ли не единственное сходство – это высокий причинный вклад, приписываемый редакции газеты. Так, согласно опросным данным, этот актер занимает второе место после исламских террористических группировок (при использовании сравнительных оценок), в блогах и эссе этот актер также входит в число субъектов, внесших наибольший вклад в события.

В качестве неожиданного результата можно выделить чрезвычайно низкую степень причинного вклада, приписанную террористам в блогах. Фактически этот эффект подобен открытию низкой вины террористов в исследовании «Домодедово-2011», где мы не различали вину и причинный вклад. Причем студенты чаще считали действия террористов причиной: каждое третье их упоминание в эссе явно включает ссылку на причинность, а в онлайн-опросе средний рейтинг причинного вклада всех акторов, помимо террористов, составил $-0,6$ (при исключении исламских террористических группировок он составил $-0,8$).

Таким образом, можно сделать следующие предварительные выводы:

– индикаторы, использованные для определения вины и причинного вклада в опросе, позволяют лучше дифференцировать акторов, чем индикаторы из исследования «Волгоград-2013»;

– оценки ответственности, данные студентами в эссе, в целом соответствуют суждениям о вине и ответственности, сделанные теми же студентами в ходе опроса;

– при оценке парижских событий мы не наблюдаем эффекта, обнаруженного в исследовании «Домодедово-2011», согласно которому террористам приписывается чрезвычайно низкая степень вины; напротив, полученные данные – независимо от метода – указывают на то, что основную ответственность несут террористы, редакция газеты и исламские террористические группировки.

Обсуждение и заключение

Полученные результаты с точки зрения нашей основной задачи – определить степень соответствия результатов формализованного контент-анализа и опроса – неоднозначны.

С одной стороны, анализ блогов, студенческих эссе и их оценок, выявленных по результатам онлайн-опроса о парижских событиях, показал достаточно высокую степень согласованности. Обвиняются чаще всего террористы и редакция газеты *Charlie Hebdo*. Иными словами, предположение о наличии значимых смещений при оценке ключевого актора (террористов), вызванных, в частности, тем, что блогеры, ровно как и авторы эссе, не пишут об очевидном, не находят своего подтверждения.

С другой стороны, эффект «невиновного террориста», обнаруженный нами в проекте «Домодедово-2011» и во многом послуживший исходной точкой для продолжения исследований, не был выявлен при рассмотрении парижских событий. Другими словами, то, что мы хотели объяснить привлечением опросных данных, отсутствовало в выбранном кейсе. Отчасти это может быть связано с его спецификой:

– в отличие от трагедий в Домодедово и Волгограде, события с *Charlie Hebdo* для российских блогеров – это гораздо в большей степени «далекие» события, как в смысле физической, так и куль-

Таблица 2
 ЧАСТОТА УПОМИНАНИЙ АКТОРОВ И ПРИПИСЫВАНИЙ ИМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
 (ЭССЕ И БЛОГИ), ОЦЕНКИ ВИНЫ (ОПРОС)

Актор	Эссе		Блоги		Опрос	
	Упоминания, %	Вина, %	Упоминания, %	Вина, %	Вина, %	Вина, М
Власти Евросоюза	2	50	0	–	8	–0,81
Власти Франции	6	43	2	50	29	0,14
Граждане Франции	0	–	0	–	7	–1,78
Исламские террористические группировки	14	40	8	11	68	1,08
Мусульмане	3	0	1	100	10	–1,23
Пресса	1	0	0	–	12	–0,45
Работники издания	12	23	12	31	15	–0,34
Редакция газеты	24	19	15	31	38	0,14
Силловые структуры Франции	1	0	2	0	18	–0,47
Террористы	37	56	52	25	58	0,00
Другие акторы	0	–	8	–	–	–

Таблица 3
 ЧАСТОТА УПОМИНАНИЙ АКТОРОВ И ПРИПИСЫВАНИЙ ИМ ПРИЧИННОГО ВКЛАДА
 (ЭССЕ И БЛОГИ), ОЦЕНКИ ПРИЧИННОГО ВКЛАДА (ОПРОС)

Актор	Эссе		Блоги		Опрос	
	Упоминания, %	Причинность, %	Упоминания, %	Причинность, %	Причинность, %	Причинность, М
Власти Евросоюза	2	50	0	-	7	-1,11
Власти Франции	6	43	2	0	15	-0,73
Граждане Франции	0	-	0	-	3	-2,08
Исламские террористические группировки	14	40	8	0	42	0,97
Мусульмане	3	0	1	0	11	-1,21
Пресса	1	100	0	-	19	-0,33
Работники издания	12	62	12	15	25	-0,11
Редакция газеты	24	69	15	56	58	0,35
Силовые структуры Франции	1	100	2	0	3	-1,17
Террористы	37	32	52	4	41	0,00
Другие акторы	0	-	8	-	-	-

турной дистанции. В конечном счете, едва ли расстрел редакции произвел на блогеров сопоставимое впечатление по сравнению с волгоградским и домodedовским терактом, что ставит под вопрос саму возможность проверки эффекта «невиновного террориста» на материалах парижских событий;

– в отличие от российских событий, то, что произошло с редакцией газеты, не обязательно следует классифицировать в качестве теракта. Обычно теракты как события, имеющие политический смысл, противопоставляются насильственным действиям, вызванным эгоистическими целями, кроме того, жертвами теракта, как правило, становятся ни в чем не повинные люди (см., например: [15]). В обыденном сознании, судя по полученным результатам, редакция еженедельника не рассматривается как случайная жертва – и действия террористов можно объяснить желанием наказать издание, а не политическими целями. В некоторых эссе студенты, прочитав задание, явно фиксировали свое несогласие с тем, что нападение на редакцию *Charlie Hebdo* – это теракт.

Несмотря на то что феномен «невиновного террориста» не был нами выявлен, парижский кейс обнаружил свидетельства влияния на оценки, с одной стороны, особенностей общности, формулирующей суждения (блогеры по сравнению со студентами), с другой, специфики использованного метода (контент-анализ по сравнению с опросом).

Если говорить о блогерах, то стоит обратить внимание на два важных результата. Первый: блогеры практически не обратили внимания на исламские террористические группировки. И в опросе студентов, и при анализе студенческих эссе этому актору приписывалась наибольшая вина. Второй: блогеры чрезвычайно редко отмечали, что причиной теракта стали действия террористов, что очень сильно напоминает обнаруженный нами ранее эффект «невиновного террориста». Действительно, из всех упоминаний этого актора только 4% включали в себя явную ссылку на его причинный вклад. Напротив, если мы говорим о студентах, то в эссе

каждое третье упоминание этого актора отсылало к причинному воздействию, а по опросным данным этот актер занял 3-е место по величине приписываемого причинного вклада. Эти результаты чрезвычайно важны, поскольку указывают на принципиальный недостаток выбранной стратегии исследования: попытка объяснить эффекты, обнаруженные при анализе блогов, обратившись к эссе студентов, оправдана только в том случае, если эти эссе похожи и по форме, и по содержанию на блоги. Однако, как мы видим, последнее условие оказалось не вполне выполненным в данной работе. Это в свою очередь означает, что для сравнения результатов исследования на основе нереактивных данных с выводами на базе опросов требуется иная выборка. В идеале должен быть проведен опрос самих блогеров.

Что касается специфики использованного метода, то были обнаружены случаи, когда результаты контент-анализа блогов и эссе совпадали, тогда как опросные данные демонстрировали иную картину. Первый пример: и в блогах, и в эссе наибольший причинный вклад в трагедию внесла редакция газеты, тогда как по данным опроса этот актер занял второе место – после исламских террористических группировок. И это при том, что последний актер и в блогах, и в эссе не вошел в тройку причастных акторов. Второй пример: власти Франции практически не упоминались в блогах и эссе в качестве виновного актора, тогда как по результатам опроса этот актер занял второе место, получив такой же «рейтинг вины», что и редакция газеты. Эти результаты отсылают нас к давней (восходящей по меньшей мере к П. Лазарсфельду) дискуссии о том, как соотносятся между собой ответы на открытые и закрытые вопросы¹. Действительно, закрытые вопросы не только фиксируют

¹ Проведенное нами исследование также может быть соотнесено с работами по кросс-валидации шкал установок, написанных еще в 1930-х гг., когда проводилось, в частности, сопоставление результатов измерения по некоторой шкале и данных анализа свободных высказываний (см.: [16, с. 25–26]).

ответы респондентов, но и явно формулируют стоящую перед ними задачу, тем самым влияют на «интерпретацию респондентами вопроса и определяют, какую информацию они используют для вынесения суждения и какие ответы они считают уместным сообщить» [17, р. 43]. Очевидно, что влияние открытого вопроса на интерпретацию меньше, а при анализе блогов/эссе мы вообще едва ли можем говорить о наличии вопроса. Предельно упрощая, можно сформулировать тезис: тогда как в опросе варианты ответа конструируют область поиска, то при изучении текстовых данных (блоги, эссе) исследователь пытается реконструировать вопрос/тему. Обе процедуры потенциально приводят к смещениям в полученных результатах.

Здесь мы подходим к другому, не менее важному следствию проведенного исследования. Может сложиться впечатление, что, сравнивая результаты опроса и контент-анализа, мы имплицитно допускаем, что именно опросы более адекватно отражают реальность (в нашем случае – оценки степени вины и причинного вклада акторов) по сравнению с нереактивными данными. Это допущение, по-видимому, разделяется многими исследователями Интернета¹. Однако если сформулированный ранее тезис верен, то сама по себе постановка вопроса о «реальности» и «смещении» не вполне корректна. По-видимому, и данные опроса, и результаты контент-анализа – это примеры «обсервационных утверждений» [19, с. 194], которые могут быть сопоставлены и могут обнаружить ту или иную степень согласованности, но ни один из них не следует наделять привилегированным статусом².

¹ См., например, попытки сравнить данные опроса ФОМ и результаты анализа cookie-файлов пользователей. Результат – констатация того, что «большие данные» не позволяют достичь необходимого качества, чтобы заменить опрос при решении задачи построения индекса цифровой грамотности [18].

² Строго говоря, и полная согласованность результатов применения двух методов не позволяет сделать выводы, что каждый из них адекватно отражает «реальные» оценки.

Данный вывод имеет не только общеметодологическое значение. В частности, он напрямую касается такой набирающей популярность области изучения нереактивных данных в сети Интернет, как анализ тональности текста (*sentiment analysis*) и извлечение мнений (*opinion mining*) [20]. Цель этих работ – автоматизированное выявление в текстах (преимущественно – в интернет-контенте) эмоциональных оценок некоторых объектов, а более широко – реконструкция мнений об этих объектах. Например, предпринимаются попытки выявить оценки, данные пользователями сети Интернет в отзывах на игры [21], или определить долю позитивных/негативных суждений об определенной модели сотового телефона или мобильного оператора [22]. Полученные нами результаты позволяют предположить, что автоматизированный анализ рождает еще один набор утверждений о реальности, который может быть сопоставлен с данными опросов и ручного контент-анализа. Примечательно, что авторы указанных исследований не обсуждают вопрос о качестве своих выводов в контексте сравнения с данными, имеющими другую природу. Отчасти это объяснимо: наверное, если производитель сталкивается с низкими продажами новой модели мобильного телефона, то обращение к отзывам в сети Интернет об этой модели позволит сформулировать предположения о причинах неудачи, а проведение автоматизированного анализа – производить очень быстрый мониторинг. Но по мере того, как мы будем переходить к более сложным сюжетам, таким как приписывание ответственности и вины, и расширять область интерпретируемых данных – скажем, анализировать не только комментарии к видеоролику о трагедии, но и вообще все сообщения на различных интернет-площадках по этой теме – вопрос о качестве результатов автоматизированного кодирования едва ли можно будет обсуждать без проведения систематических сравнений с данными «классических» опросов и ручного контент-анализа.

В конечном счете проведенная нами работа показывает, что решение анализировать нереактивные данные *вместо* проведе-

ния опроса – это очень ответственный шаг, который должен быть предпринят как минимум только после обсуждения потенциальных ограничений и специфики конкретного кейса, а в идеале – после пилотного исследования, которое покажет, что явно высказанные оценки в *достаточной* степени согласуются с «извлеченными» мнениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lawson-Borders G., Kirk R.* Blogs in Campaign Communication // *American Behavioral Scientist*. 2005. Vol. 49. No. 4. P. 548–559.

2. *Zhou X.* The Political Blogosphere in China: A Content Analysis of the Blogs Regarding the Dismissal of Shanghai Leader Chen Liangyu // *New Media & Society*. 2009. Vol. 11. No. 6. P. 1003–1022.

3. *Этлинг Б., Александян К., Келли Дж., Фарис Р., Палфри Дж., Гассер У.* Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf (дата обращения: 08.02.2016).

4. *Абрамов Р.Н.* Что такое ностальгия. Путешествие по российской блогосфере // 60 параллель. Некоммерческое издание по культурной политике, 2009. С. 36–41.

5. *Papacharissi Z.* Audiences as Media Producers: Content Analysis of 260 Blogs // *Blogging, Citizenship, and the Future of Media*. New York: Routledge, 2007. P. 21–38.

6. *Девятко И.Ф., Гаверолов К.А.* Обыденные суждения о причинности и вине за непреднамеренные негативные последствия действий: экспериментальный подход к оценке влияния // *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации* / Под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамова, И.В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 217–231.

7. *Lagnado D.A., Channon S.* Judgements of Cause and Blame // *Cognition*. 2008. Vol. 108. P. 754–770.

8. *Brank E., Greene E., Hochevar K.* Holding Parents Responsible: Is Vicarious Responsibility the Public's Answer to Juvenile Crime // *Psychology, Public Policy, and Law*. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 507–529.

9. *Pereira A., Berent J., Falomir J. M., Staerklé C., Butera F.* Collective Punishment Depends on Collective Responsibility and Political Organization of the Target Group // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2015. Vol. 56. P. 4–17.

10. *Lickel B., Schmader T., Hamilton D.* A Case of Collective Responsibility: Who Else Was to Blame for the Columbine High School Shootings? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. P. 194–204.

11. *Melendez M., Lichtenstein B., Dolliver M.* Mothers of Mass Murderers: Exploring Public Blame for the Mothers of School Shooters through an Application of Courtesy Stigma to the Columbine and Newtown Tragedies // *Deviant Behavior*. 2016. Vol. 37. No. 5. P. 525–536.
12. *Гаврилов К.А., Толмач А.Д.* Кто виноват: контент-анализ блогов о теракте в «Домодедово» // *Социологические исследования*. 2014. № 12. С. 81–88.
13. *Гаврилов К.А., Толмач А.Д.* Обыденное приписывание ответственности в ситуации теракта: опыт выделения категорий виновных акторов для контент-анализа // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2012. № 35. С. 119–154.
14. *Чуриков А.* Случайные и неслучайные выборки в социологических исследованиях // *Социальная реальность*. 2007. № 4. С. 89–109.
15. *Витюк В.В., Данилевич И.В.* Терроризм как политический феномен и как теоретическая проблема // *Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы*. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 7–41.
16. *Девятко И.Ф.* Диагностическая процедура в социологии: очерк истории и теории. М.: Наука, 1993.
17. *Schwarz N., Hippier H.* Response alternatives: The impact of their choice and presentation order // *Measurement error in surveys* / Ed.: P. Biemer, R. Groves, L. Lyberg, N. Mathiowetz, S. Sudman. Chichester: Wiley, 1991. P. 41–56.
18. *Давыдов С.Г., Логунова О.С.* Проект «Индекс цифровой грамотности»: методические эксперименты // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2015. № 41. С. 120–141.
19. *Александр Дж.* Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2004. № 19. С. 176–200.
20. *Pang B., Lee L.* Opinion Mining and Sentiment Analysis // *Foundations and Trends in Information Retrieval*. 2008. Vol. 2. No. 1-2. P. 1–135.
21. *Raison K., Tomuro N., Lytinen S., Zagal J.* Extraction of User Opinions by Adjective-Context Co-clustering for Game Review Texts // *Advances in Natural Language Processing: 8th International Conference on NLP, JapTAL 2012, Kanazawa, Japan, 2012, October 22-24*. P. 289–299.
22. *Anil Kumar K.M., Suresha.* Analyzing Web user’ Opinion from Phrases and Emoticons // *IJCA Special Issue on Computational Science – New Dimensions & Perspectives*. 2011. Vol. 4. P. 133–139.

Приложение 1

Перечень акторов, использованных для контент-анализа в исследовании «Волгоград-2013»

1. Кавказцы.
2. Конкретный представитель силовой структуры.
3. Общество в целом, население.
4. Организаторы теракта.
5. Отдельные группы или департаменты.
6. Отдельные группы террористов.
7. Отдельные религиозные группы.
8. Отдельные силовые министерства, ведомства, структуры.
9. Президент В.Путин.
10. Руководство страны в целом, власть.
11. Силовые структуры.
12. Террорист-смертник.
13. Экстремистские организации.
14. Другие страны / нации.
15. Другой актор.

Приложение 2

Перечень акторов, использованных для контент-анализа в исследовании «Париж-2015»

1. Власти Евросоюза.
2. Власти Франции.
3. Граждане Франции.
4. Издание, газета.
5. Исламисты, радикалы, группировки.
6. Мусульманство, ислам.
7. Общество Франции.
8. Отдельный представитель власти.
9. Полиция и другие службы.
10. Пресса, СМИ.
11. Работники издания.
12. Террористы.
13. Другой актор.

Gavrilov Kirill,

*National Research University Higher School of Economics (NRU HSE), Moscow
Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (IS RAS), Moscow,
gavrilov@socio.msk.ru*

Content analysis of blogs to identify individual evaluations: A comparison with survey data (on the example of the responsibility judgments)

The focus of the article is the widespread practice of using formal content analysis to identify individual judgments in the Internet research. In two empirical studies concerning the attribution of responsibility in the terrorist attack cases we examined whether the results of content analysis correspond to the survey data. We analyzed opinions extracted from texts written as reactions to the terrorist attacks in Volgograd in 2013 and to the Charlie Hebdo shooting in Paris in 2015. We found that reconstructed evaluations do not always correspond to the opinion poll data. For example, the French authorities in texts concerning Paris events were hardly mentioned as the responsible actor, whereas according to the survey this actor has received the highest rating of blame. In conclusion we make a recommendation to choose unobtrusive methods to assess individual evaluations only after a pilot study that includes some form of survey of texts' authors.

Keywords: content analysis, blame and responsibility judgment, unobtrusive data

References

1. Lawson-Borders G., Kirk R. "Blogs in Campaign Communication", *American Behavioral Scientist*, 2005, 49(4), 548–559.
2. Zhou X. "The political blogosphere in China: A content analysis of the blogs regarding the dismissal of Shanghai leader Chen Liangyu", *New Media & Society*, 2009, 11 (6), 1003–1022.
3. Etling B., Aleksanyan K., Kelli Dzh., Faris R., Palfri Dzh., Gasser U. *Publichnyj diskurs v rossijskoj blogosfere: analiz politiki i mobilizacii v Runete*, 2010 (in Russian). URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf (date of access: 08.02.2016).
4. Abramov R.N. "Chto takoe nostalgija. Puteshestvie po rossijskoj blogosfere" (in Russian), in: *60 parallel'. Nekommercheskoe izdanie po kul'turnoj politike*, 2009, 36–41.

5. Papacharissi Z. “Audiences as Media Producers: Content Analysis of 260 Blogs”, in: *Blogging, Citizenship, and the Future of Media*. New York: Routledge, 2007. P. 21–38.
6. Devyatko I.F., Gavrilov K.A. “Obydennye suzhdeniya o prichinnosti i vine za neprednamerennye negativnye posledstviya dejstvij: eksperimental’nyj podhod k ocenke vliyaniya” (in Russian), in: *Obydennoe i nauchnoe znanie ob obshhestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguracii*. M.: Progress-Tradiciya, 2015. P. 217–231.
7. Lagnado D.A., Channon S. “Judgements of Cause and Blame”, *Cognition*, 2008, 108, 754–770.
8. Brank E., Greene E., Hochevar K. “Holding Parents Responsible: Is Vicarious Responsibility the Public’s Answer to Juvenile Crime?”, *Psychology, Public Policy, and Law*, 2011, 17 (4), 507–529.
9. Pereira A., Berent J., Falomir J. M., Staerklé C., Butera F. “Collective Punishment Depends on Collective Responsibility and Political Organization of the Target Group”, *Journal of Experimental Social Psychology*, 2015, 56, 4–17.
10. Lickel B., Schmader T., Hamilton D. “A Case of Collective Responsibility: Who Else Was to Blame for the Columbine High School Shootings?”, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003, 29, 194–204.
11. Melendez M., Lichtenstein B., Dolliver M. “Mothers of Mass Murderers: Exploring Public Blame for the Mothers of School Shooters through an Application of Courtesy Stigma to the Columbine and Newtown Tragedies”, *Deviant Behavior*, 2016, 37 (5), 525–536.
12. Gavrilov K.A., Tolmach A.D. “Kto vinovat: kontent-analiz blogov o terakte v ‘Domodedovo’” (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*, 2014, 12, 81–88.
13. Gavrilov K. A., Tolmach A. D. “Obydennoe pripisyvanie otvetstvennosti v situacii terakta: opyt vydeleniya kategorij vinovnyh aktorov dlya kontent-analiza” (in Russian), *Sotsiologiya 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2012, 35, 119–154.
14. Churikov A. “Sluchajnye i nesluchajnye vyborki v sociologicheskikh issledovaniyah” (in Russian), *Social’naya real’nost’ (Social Reality)*, 2007, 4, 89–109.
15. Vityuk V. V., Danilevich I. V. “Terrorizm kak politicheskij fenomen i kak teoreticheskaya problema” (in Russian), in: *Terrorizm v sovremennom*

- mire: istoki, sushhnost', napravleniya i ugrozy*. M.: Institut sociologii RAN, 2003. S. 7–41.
16. Devyatko I.F. *Diagnosticheskaya procedura v sociologii. Ocherk istorii i teorii* (in Russian). Moskva: Nauka, 1993.
 17. Schwarz N., Hippier H. “Response alternatives: The impact of their choice and presentation order”, in: Biemer P., Groves R., Lyberg L., Mathiowetz N., Sudman S. (eds.) *Measurement error in surveys*. Chichester: Wiley, 1991. P. 41–56.
 18. Davydov S.G., Logunova O.S. “Proekt ‘Indeks cifrovoj gramotnosti’: metodicheskie eksperimenty” (in Russian), *Sotsiologiya 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2015, 41, 120–141.
 19. Alexander J.C. “General Theory in the Postpositivist Mode: The Epistemological Dilemma and the Search for Present Reason (transl., in Russian), *Sotsiologiya 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2004, 19, 176–200.
 20. Pang B., Lee L. “Opinion Mining and Sentiment Analysis”, *Foundations and Trends in Information Retrieval*, 2008, 2 (1–2), 1–135.
 21. Raison K., Tomuro N., Lytinen S., Zagal J.” Extraction of User Opinions by Adjective-Context Co-clustering for Game Review Texts”, in: *Advances in Natural Language Processing: 8th International Conference on NLP, JapTAL 2012, Kanazawa, Japan, 2012, October 22-24*. P. 289–299.
 22. Anil Kumar K.M., Suresha. “Analyzing Web user’ Opinion from Phrases and Emoticons”, in: *IJCA Special Issue on Computational Science – New Dimensions & Perspectives*, 2011, 4, 133–139.